

М. М. ЩЕРБАТОВ

**Рассмотрение о пороках и самовластии
Петра Великого**

<фрагмент>

<...> Возрим же теперь, какие перемены учинила в нас нужная, но, может быть, излишняя перемена Петром Великим, и как от оныя пороки зачали вкрадываться в души наши, даже как, царствование от царствования они час от часу вместе с сластолюбием возрастая, дошли до такой степени, как выше о них упомянул. Сие сочинит купно историю правлений и пороков.

Петр Великий, подражая чужестранным народам, нетокмощился ввести познание наук, искусств и ремесл, военное порядочное устройство, торговлю и приличнейшие узаконения в свое государство, также старался ввести и таковую людкость, сообщение и великолепие, о коем ему сперва Лефорту¹ натвердил, а потом которое и сам он усмотрел. Среди нужных установлений законодательства, учреждения войск и артиллерий, не меньше он прилагал намерение являющиеся ему грубые древние нравы смягчить. Повелел он бороды брить, отменил старинные русские одеяния и вместо длинных платьев заставил мужчин немецкие кафтаны носить, а женщин вместо телогреи — бостроги, юбки, шлафорки и самары, вместо подколков — фантажами и корнетами голову украшать. Учредил разные собрания, где женщины, до сего отдаленные от сообщения мужчин, вместе с ними при веселиях присутствовали. Приятно был женскому полу, бывшему почти до сего невольницами в домах своих, пользоваться всеми удовольствиями общества, украшать себя одеяниями и уборами, умножающими красоту лица их, и оказующими их хороший стан; не малое же им удовольствие учинило, что могли прежде видеть, с кем на век должны совокупиться, и что лица женихов их и мужей уже не покрыты стали колючими бородами. А с другой стороны, приятно было молодым и не

заматерелым в древних обычаях людям вольное обхождение с женским полом, и что могут наперед видеть и познать своих невест, на которых прежде, поверяя взору родителей их, женивались. Страсть любовная, до того почти в грубых нравах незнаемая, начала чувствительными сердцами овладевать, и первое утверждение сей перемены от действия чувства произошло. А сие самое и учинило, что жены, до того не чувствующие красоты, начали силу ее познавать, стали стараться умножать ее пристойными одежаниями и более предков своих распростерли роскошь в украшении. О, коль желание быть приятной действует над чувствами жен! Я от верных людей слышал, что тогда в Москве была одна только уборщица для волос женских, и ежели к какому празднику когда должны были молодые женщины убираться, тогда случалось, что она за трое суток некоторых убирала, и они принуждены были до дня выезда сидя спать, чтобы убора не испортить. Может быть, сему не поверят ныне, но я паки подтверждаю, что сие от таких верных людей слышал, что в сем сомневаться не должно. Если страсть быть приятной такое действие над женами производила, не могла она не иметь действия и над мужчинами, хотящими им угодными быть, что то же тщание украшений, ту же роскошь рождало. И уже перестали довольствоваться одним или двумя длинными платьями, но многие с галунами, с шитьем и с пондеспанами делать начали.

Поскольку сам государь не держался древней простоты нравов в своей одежде, так что, кроме простых кафтанов и мундиров, никогда не нашивал, и только для коронации императрицы Екатерины Алексеевны, своей супруги, сделал голубой гродетуровый кафтан с серебряным шитьем, да сказывают, еще у него был другой кафтан дикой с золотым шитьем, не знаю, для какого знатного случая сделанный. Прочее все было так просто, что и беднейший человек ныне того носить не станет, как видно по оставшимся его одеждам, которые хранятся в Кунсткамере при императорской Академии наук. Манжет он не любил и не нашивал, как свидетельствуют его портреты; богатых экипажей не имел, но обыкновенно ездил по городу в одноколке, а в дальнем пути в качалке. Множества служителей и придворных у него не было, но были у него денщики, и даже караула кроме как полковника гвардии не имел. Однако, при такой собственной особы его простоте, хотел он, чтобы подданные его некоторое великолепие имели. Я думаю, что сей великий государь, который ничего без дальновидности не делал, имел себе в предмет, чтоб великолепием и роскошью подданных побудить торговлю, фабрики и ремесла, будучи уверен, что при жизни его излишнее велико-

лепие и сластолюбие не утвердит престола своего при царском дворе. И так мы находим, что он побуждал некоторое великолепие в платьях, как видим мы, что во время торжественного входа, после взятия Азовского, генерал-адмирал Лефорт шел в красном кафтане с галунами по швам, и другие генералы также богатые кафтаны имели; ибо тогда генералы мундиров не носили. Богатые люди из первосановников его двора или те, которые благодеяниями его были обогащены, как Трубецкие², Шереметев³ и Меншиков⁴, в торжественные дни уже старались богатые иметь платья. Парчи и галуны стали как у жен, так и у мужей в употреблении, и хотя не часто таковые платья надевали, моды хотя долго продолжались, однако они были, и по достатку своему оные уже их чаще, нежели при прежних обычаях делали. Вместо саней и верховой езды и вместо колымаг, не терпящих украшений, появились уже кареты и коляски, начались уже цуги, которых до того не знали, и приличные украшения к этим экипажам. Служители переодеты на немецкий манер не в разноцветных платьях стали наряжаться, но каждый по гербу своему или по изволению делал им ливреи, а официанты, которых тогда еще весьма мало было, еще в разноцветных платьях ходили.

Касательно внутреннего жилья, хотя сам государь довольствовался самой простой пищей, однако он ввел уже в употребление прежде не знаемые в России напитки, которые предпочтительно другим пил. То есть вместо водки домашней, сиженой из простого вина, водку голландскую анисовую, которая приказной называлась, и вина: эрмитаж и венгерское, — до того не знаемые в России.

Подражали этому и его вельможи, и те, которые близки были ко двору; да и в самом деле, надлежало им сие иметь; ибо государь охотно подданных своих посещал, то подданный чего для государя не сделает? Правда, это не только ему было угодно, но, напротив, он часто за сие гневался, и не только из простого вина подслащеную водку, но и само простое вино пил; но и собственное желание удовольствия, до того ими не известного, превозмогли и самое запрещение государево, чтобы последовать его вкусу. Уже в домах завелись не только анисовая приказная водка, но и гданские; вина не только старинные, о которых выше помянул, но также эрмитаж, венгерское и некоторые другие. Правда, что еще их сначала весьма бережливо подавали и в посредственных домах никогда в обыкновенные столы употребляемы не были, а только во время праздников и пиршеств, да и тут не стыдились принести четвертную или сулею запечатанную и, налив из нее по рюмке, опять запечатав, на погреб отослать.

Однако хотя сам не любил и не имел времени при дворе своем делать пиршества, то оставил сие своему любимцу — князю Меншикову, которые часто оные как в торжественные дни, так и для чужестранных министров с великим великолепием по тогдашнему времени устраивал. Имел для этого великий дом, не только на то время, но и в нынешнее (ибо в нем после кадетский сухопутный корпус был помещен), и слышал я, что часто государь, видя из дворца своего торжество и пиршество в доме его любимца, чувствовал удовольствие, говоря: «Вот как Данилыч веселится». Как ему подражая, так и будучи обязаны самыми своими чинами, другие первосановники империи так же имели открытые столы, как генерал-адмирал граф Федор Матвеевич Апраксин, генерал-фельдмаршал граф Борис Петрович Шереметев, канцлер граф Гаврило Иванович Головкин⁵ и боярин Тихон Никитич Стрешнев⁶, которому, поскольку он оставался первым правителем империи во время отсутствия в чужих краях императора Петра Великого, на стол и деревни были даны.

Этим знатым людям и низшие, подражая, уже во многих домах открытые столы завели, и столы не такие, как были старинные, т. е. что только произведения домостройства своего употреблялись, но уже старались чужестранными приправами придать вкус доброте мяса и рыб. И конечно, в таком народе, в котором странноприимство сочиняло всегда отличную добродетель, не трудно было ввестись в обычай таковых открытых столов употребление; что соединяя и с собственным удовольствием общества, и с лучшим вкусом кушанья против старинного, самым удовольствием утверждалось.

Не неприятель был Петр Великий честному обществу, но хотел, чтобы оно безубыточно каждому было. Он учредил ассамблеи, на которые в назначенные дни множество собиралось. Но этим ассамблеям предписал печатными листами правила, что должно на стол поставлять и как принимать приезжих. Этим упреждая и излишнюю роскошь, и тягость высших себя принимать. Ибо общество не в обжирании и опивании состоит и не может оно быть приятно, где нет равенности. Сам часто государь присутствовал в сих ассамблеях и строго наблюдал, дабы предписанное исполнялось.

Но слабы были эти преграды, когда вкус, естественное сластолюбие и роскошь стараются поставленную преграду разрушить и где неравность чинов и надежда получить что от вельмож истребляют равенность. В присутствии государевом учиненные им предписания сохранялись в ассамблеях, но в простом житие роскошь и унижение утверждали свои корни.

И подлинно мы видим, что тогда начали уже многие дома упадать и упадающие ожидать от милости государевой и от зашитения вельмож своего подкрепления. Из первых знатных домов мне случалось слышать об упавшем доме князя Ивана Васильевича Одоевского⁷, дом которого был на Тверской, тот самый, который после этого был Василия Федоровича Салтыкова⁸, потом Строганова⁹, а ныне за князем Алексеем Борисовичем Голицыным¹⁰ состоит, в приходе у Спаса. Сей князь Одоевский неумеренным своим сластолюбием так разорился, что, продав все деревни, оставил только себе некоторое число служителей, которые были музыкантами, и они, ходя в разные места играть и получая плату, тем остальное время жизни его содержали. Воистину при древней простоте нравов музыканты не нашли бы довольно в упражнении своем прибыли, чтобы и себя, и господина своего содержать.

Я сказал о сем князе Одоевском, как о разорившемся человеке, но и многие другие если не в разорение от сей перемены жизни пришли, но по крайней мере, чувствовали немалую нужду. Дабы умолчать о прочих, Борис Петрович Шереметев, фельдмаршал, именитый своими делами, обогащенный милостию монаршею, принужден, однако, был вперед государево жалованье забирать и с долгом этим скончался, как свидетельствует его духовная. И после смерти жена его подавала письмо государю, что она от исков и других убытков пришла в разорение.

Переменившийся таким образом род жизни, вначале первосановников государства, а в подражание им и других дворян, и расходы достигли до такой степени, что стали доходы превозвышать, начали люди наиболее привязываться к государю и к вельможам яко к источникам богатства и награждений. Страхуюсь я, чтобы кто не сказал, что по крайней мере сие добро произвело, что люди наиболее к государю стали привязываться. Нет, сия привязанность не есть благо, ибо она не точно к особе государевой была, но к собственным своим пользам; привязанность сия учинилась не как привязанность верных подданных, любящих государя и его честь и соображающих все с пользою для государства, но привязанность рабов-наемщиков, жертвующих все своим выгодам и обманывающих лестным усердием своего государя.

Грубость нравов уменьшилась, но оставленное ею место лестию и самством наполнилось. Оттуда произошло раболепство, презрение истины, обольщение государя и прочее зло, которое днесь при дворе царствует и которое в домах вельможей вогнездилось. Не сокрылся сей порок от остроумного монарха, и сей госу-

дарь, строгий и справедливый до крайности, старался сколько можно лесть отгонять; яко случилось, как я слышал, что один из знаемых ему офицеров быв с ним на ассамблее, выхвалял свое усердие к государю, говоря, что он во всяком случае готов за него умереть. Услышав сие, государь ему говорил, что ни он не желает, ни должность его ему не повелевает, чтобы он хотел, не разбирая случая, для него умереть; но требует токмо того, что бы в случае нужды или опасности его особы, что не может быть не соединено с пользою государственною, он расположен был пожертвовать своею жизнью. Офицер, хотя наиболее показать свое усердие, зачал паки утверждать, что он сие готов учинить всякой час, когда угодно будет государю. Остроумный монарх, ничего не отвечав, взяв его руку, палец его поднес к горячей свече и зачал его жечь; от боли офицер зачал силиться выдернуть руку. Тогда, ее отпустя, сказал ему государь, что когда он малой боли обожжения палца вытерпеть не мог, не по нужде, но по воле государя, то как он столь щедро обещает с радостию и все тело свое без нужды пожертвовать? Другой случай, слышанный уже мною, доказует, сколь любил государь истину. Захар Данилыч Мешуков, бывший порутчиком во флоте прежде 1718 года, любимый государем яко первый русский, в котором он довольно знания в мореплавании нашел, и первый, который командовал уже фрегатом, быв на едином пиршестве с государем в Кроншта-те и напившись несколько пьян, стал размышлять о летах Государя, о кажущемся слабом его здоровье и о наследнике, какого оставляет, вдруг заплакал. Удивился государь, возле которого он сидел, о текущих его слезах, любопытно спрашивал причину оных. Мешуков ответствовал, что он размышлял, что место, где они сидят, град столичный, близ построенный, флот заведенный, множество русских входящих в мореплаватели, самый он, служивший во флоте и ощущающий его милости, суть деяния рук его; то взирая на сие и примечая, что здоровье его, государя и благодетеля, ослабевает, не мог от слез не удержаться, прилагая при том простою речью: *«На кого ты нас оставишь?»*. Ответствовал государь: *«У меня есть наследник»*, — разумея царевича Алексея Петровича¹¹. На сие Мешуков спьяна и неосторожно сказал: *«Ох! ведь он глуп, все расстроит»*. При государе сказать так о его наследнике, и сие не тайно, но пред множеством предс-дяхщих! Что ж сделал государь? Почувствовал он вдруг дерзость, грубость и истину и довольствовался, усмехнувшись, ударить его в голову с приложением: *«Дурак! сего в беседе не говорят»*.

Но, невзирая на таковое любление истины, ни на отвращение его от лести, не мог государь вкрадывающийся сей яд искоре-

нить. Большая часть окружающих его ни в чем не смели ему противоречить, но паче льстили, хваля все соделанное им, и не противореча его изволениям, а иные и угождая страстям его. Хотя он знатным образом никогда обманут и не был, однако князь Яков Федорович Долгоруков никогда не нашел в супротивлениях своих государю в Сенате себе помощников. И тщетно он суровыми и справедливыми своими предложениями два определения, подписанные государем, отменил: о привозе на переменных лошадях провианту в Петербург на армию и о набрании посохи, на содержании народном, для делания Ладожского канала; в обоих сих случаях, ни в других, никто соучастником его твердости и справедливости быть не хотел; единый сам государь терпел его грубые, но справедливые предложения, и, хотя с стеснением сердца, превозмогая себя, на оные соглашался. Я слышал от очевидных свидетелей, и Василий Никитич Татищев в «Истории» своей сие вместил, что бывши государь в Кронштате, в едином пиршестве, окружающие его вельможи начали превозносить его хвалами, говоря, что он более отца своего. Между таковых похвальных воплей единый князь Яков Федорович Долгоруков в молчании пребывал. Приметя сие, государь требовал его мнения. Сей остроумный и твердый муж не мог вдруг ответствовать на такой вопрос, где состояло суждение между царствующего государя и его отца, обоих отличных их качествами. Взяв несколько времени подумать, сказал следующее: исчислил он все подробно, что Петр Великий сделал для пользы отечества, исчислил его труды и подвиги, и наконец сказал, сколь велик он есть во владыках земных; но, продолжая, говорил: все сии труды, все сии установления не утверждают еще внутреннего спокойствия государства и безопасность гражданскую в жизни и в имениях; отец же твой, говорил, при тихости нравов, начинал многое, но паче всего, что он сделал, «Уложение», которое ныне, по перемене обычаев, перемены требует; когда окончишь ты все свои подвиги благими узаконениями, тогда справедливо можно будет сказать, что весьма превзошел твоего отца. Государь восчувствовал всю справедливость его глаголов и согласиен своим мнение его утвердил.

Чего же ради никто другой ни в беседах, ни в Сенате и нигде инде таковой правды не говорил, как сей бессмертия достойный князь Долгоруков? Того ради, что они более желали приобрести милость государеву, нежели, говоря правду, его почтение; желали чинов и имений. Ибо в самом деле не видно, чтобы любимец его, князь Меншиков, когда ему строгую правду представлял; чтобы Гаврило Иванович Головкин, государственный канцлер,

отвратил его от переписки с Гилембурхом, с Горном¹² и с английскими и шотландскими сообщниками претендента; но Остерман¹³, бывший тогда в малом чину и написавший требуемое письмо, несовместность сего поступку представил; чтобы Иван Мусин-Пушкин¹⁴ его от какого дела удержал; чтобы адмирал Апраксин, имеющий толикую уверенность, что вопреки сказал государю. Но все токмо согласие свое изъявляли и впускали вкореняться лести и рабство для собственных своих прибытков, чему и сам государь, и князь Яков Федорович Долгоруков противоборствовали. А с другой стороны, духовной чин, который его не любил за отнятие своей власти, гремел в храмах Божиих панегириками о нем. Между сими Прокопович, который из духовенства хотя нелюбви к государю не имел, но был совершенно ослеплен честолюбием, яко в другие царствования, ясно оказал выпранный свой глас на хвалы государевы вознес. Достоин он был многих похвал; но желателно было бы, чтобы они не от лести происходили, а похвалы Прокоповича, сего непостриженного монаха, сего честолюбивого архиерея, жертвующего закон изволениям Бирона¹⁵, сего, иже не устыдился быть судьей Тайной Канцелярии, быв архипастырем Церкви Божией, были лестны, яко свидетельствует его собственное сочинение: «Правда воли монаршей», памятник лести и подобострастия монашеского изволения государеву.

Сказал я, что сластолюбие и роскошь могли такое действие в сердцах произвести; но были еще и другие причины, происходящие от самих учреждений, которые твердость и добронравие искореняли. Разрушенное местничество (вредное, впрочем, службе и государству) и не замененное никаким правом знатным родам, истребило мысли [о] благородной гордости во дворянах; ибо стали не роды почтенны, но чины и заслуги, и выслуги; и тако каждый стал добиваться чинов, а не всякому удастся прямые услуги учинить, то за недостатком заслуг стали стараться выслуживаться, всякими образами лestia и угождая государю и вельможам; а при Петре Великом введенная регулярная служба, в которую вместе с холопьями их писали на одну степень из господ в солдаты, и сии первые по выслугам, пристойным их роду людям, доходили до офицерских чинов, учинялися начальниками господам своим и бивали их палками¹⁶. Роды дворянские стали разделены по службе так, что иной однородцев своих и век не увидит. То могла ли остаться добродетель и твердость в тех, которые с юности своей от палки своих начальников дрожали, которые инако, как подслугами, почтения не могли приобрести; и быв каждый без всякой опоры от своих однородцев, без

соединения и защиты, оставался един, могущий предан быть в руки сильного.

Похвально есть, что Петр Великий хотел истребить суеверия в законе, ибо в самом деле не почтение есть Богу и закону суеверие, но паче ругание. Ибо приписывать Богу неприличные Ему деяния — сие есть богохулить. В России бороду образом Божиим почитали, и за грех считали ее брить, а чрез сие впадали в ересь антропоморфитов. Чудеса, без нужды учиненные, явленные образы, редко доказанные, повсюду прославляли, привлекали суеверное богомолие и делали доходы развратным священнослужителям. Все сие Петр Великий тщился отвратить; указами повелел брить бороды, а «Духовным регламентом» положил преграду ложным чудесам и явлениям, равно как и неблагопристойным сборам при поставленных на распутьях образах. Зная, что Закон Божий есть к сохранению рода человеческого, а не ко истреблению его без нужды, благословением от Синода и от вселенских патриархов учинил позволено есть мясо в посты в нужде, а паче в морской службе, где и без рыбы довольно люди к скорбутике подвержены, повелевая самохоотно жертвующих жизнью своею, таковым воздержанием во время приключившихся им болезней в воду кидать. Все сие очень хорошо, а кроме [того,] что последнее несколько сурово. Но когда он сие учинил? Тогда, когда народ еще был непросвещен, и тако, отнимая суеверия у непросвещенного народа, он самую веру в божественный закон отнимал. И сие действие Петра Великого можно применить к действию неискусного садовника, который у слабого дерева отрезывает водяные, пожирающие его сок ветви. Если бы оно было корнем сильно, то сие обрезывание учинило ему произвести хорошие и плодовые ветви; но как оно слабо и больно, то урезание сих ветвей, которые чрез способ листьев своих, получающих внешнюю влагу, питали слабое дерево, отняв ее, новых плодовых ветвей не произвело, ниже соком раны затянуло, и тут сделались дуплы, грозящие погибелью древу. Так урезание суеверий и на самые основательные части веры вред произвело; уменьшились суеверия, но уменьшилась и вера. Исчезла рабская боязнь ада, но исчезла и любовь к Богу и к святому Его Закону; и нравы, за недостатком другого просвещения исправляемые верою, потеряв сию подпору, в разврат стали приходить.

Со всем почтением, которое я к сему великому в монархах и великому в человеках в сердце своем сохраняю, со всем чувством моим, что самая польза государственная требовала, чтобы он имел, окроме Царевича Алексея Петровича, законных детей

преемниками его престола, — не могу я удержаться, чтобы не охулить развод его с первою его супругою, рожденной Лопухиной¹⁷, и второй брак, по пострижении первой супруги, с пленницею Екатериною Алексеевною¹⁸; ибо пример сей нарушения таинства супружества, ненарушимого в своем существе, показал, что без наказания можно его нарушать. Пусть монарх имел к тому сильные причины, которых однако я не вижу, кроме склонности его к Монсовым¹⁹ и сопротивления жены его новым установлениям; но подражатели его имели ли государственные причины подобное делать? Павел Иванович Егузинский²⁰, постригши первую свою жену и жениась на другой, рожденной Головкиной²¹, имел ли государственные причины стараться иметь себе потомство, в нарушение Божественных Законов? Многие и другие ему подражали и не токмо из вельмож, но и из малочинных людей, яко князь Борис Сонцов-Засекин²² сие учинил. И тако, хотя Россия чрез труды и попечения сего государя приобрела знаемость в Европе и вес в делах; войска ее стали порядочным образом учрежденны, и флоты Белое и Балтийское море покрыли, коими силами победила давних своих неприятелей и прежних победителей, поляков и шведов; приобрела знатные области и морские пристанища; науки, художества и ремесла в ней стали процветать, торговля начала ее обогащать, и преобразовались россияне из бородатых в гладкие, из долгополых в короткополые, стали сообщительнее, и позорищи благонравные известны им учинились: но тогда же искренняя привязанность к вере стала исчезать, таинства стали впадать в презрение, твердость уменьшилась, уступая место нагло стремящейся лести, роскошь и сластолюбие положили основание своей власти, а сим побуждено, и корыстолюбие к разрушению законов и ко вреду граждан начало проникать в судебные места.

Таково есть состояние, в котором (невзирая на все преграды, которые собственно своею особою и своим примером полагал Петр Великий для отвращения от пороков) в рассуждении нравов осталася Россия по смерти сего великого государя.

Возрим теперь, сколько при двух кратких царствованиях Екатерины Первой и Петра II пороки сделали шагов, дабы наиболее утвердиться в России. <...>

БЕСЕДА

Соплетать хвалы своим государям несть дело охулительное, лишь бы оные были основаны на истине, и искреннее бы усер-

дие, а не лесть и похлебство перо писателя и песнь певца направляли; ибо часто хвала добродетели столько же имеет силы над благородженными душами, как и самое охуление противных пороков. Два чувства наиболее действуют в человеке: любовь и ненависть; то чего ради не возбудить первое из сих хвалю тех добродетелей, каковы монарх в сердце своем ощущает? Естественно есть, кто возлюбит единое, тот противное возненавидит; следственно, справедливая похвала утверждает и вкореняет в сердцах живущих государей обретающиеся добродетели, а тем самым истребляет противные пороки.

Правда, что добродетель сама с собою несет свою награду, а потому хвалы или воздаяния ей кажутся не нужны. Но войдем мы в слабость человеческую: сии властители народов, сидящие на престолах, силою, властью, почтением, повиновением, пышностью и славою окруженные, суть те же человеки, равные в них находятся страсти и слабости, как и в других, если и не более, по мере могущества удовольствоваться оные; то снизойдем ко оным, и да будут внушать благие цари хвалы, от истины происходящие, хвалы, коих само сердце их истину ощущает.

Не токмо живые таковым образом должны быть похвалены, но да воздастся долг нашей благодарности и умершим за оказанные ими благодеяния; ибо в самом деле, чем мы воздадим тем, кои ничего уж от нас не требуют, как торжественным изъявлением нашей благодарности и проповеданием их добродетелей. Не токмо сие есть нужно, но и полезно, яко есть исполнение и всякой должности; ибо потомство и наследники их, вкушая хвалы их предков, к тем же добродетелям побуждаются и той же славы достойными себя учинить тщатся. Титус²³, Траян и Марк Аврелий²⁴, коих имена в вечную память и в подражание монархам преданы, уповаю, более произвели мудрых и милосердых монархов, нежели все даваемые наставления разными мудрецами. Александр плачет о великих победах отца своего Филиппа²⁵; Цесарь, читая житие Александрово, к славе побуждается, и Елисавета Титу подражает*.

Таковые суть действия истинных похвал; воззрим теперь, что льстивые производят. Лесть, вышедшая из ада, скрывая маскою добродетели мерзкое свое лицо, оного есть начальница. Не взирает она в похвалах своих на истину, ни на прямую добродетель, но по страстям и по низости из пороков добродетели составляет: хвалит слабость, называя ее милосердием; жестокость называет

* При коронации Императрицы Елисаветы Петровны была представлена опера «Милосердие Титово».

нужною строгостию; захватчивость над своими соседями, опустошающую страны и губящую напрасно людей, — геройством; лицемерство и притворность — мудростию, и прочее. Она не стыдится, лстя, царей Богу их уподоблять, и должный фимиам единому вышнему Существу — пред ними возжигает. Нет, не добродетель, не призвание к сему ее побуждают, но подлость и собственные какие виды. Она пред Калигулой²⁶ и Домицианом²⁷ воскурила жертвы на алтарях и подлыми своими хвалами истребила последние остатки добродетели в сердцах их. Вредоносные свои поступки и доныне продолжает: восхваляет царские пороки, превращая их в добродетели; самих их заставляет думать, яко бы они их имели. Поля Соединенных Провинций, поля части Германии, поля Фландрии и части Франции, вы — свидетели, колико таковые несправедливые хвалы привели в надменность дух Людвига XIV, и сколькой кровию оные бразды ваши оросила! Полвека уж протекло, как кровавые сии войны кипели, а еще Франция чувствует вредные плоды тщетною славою прельстившегося своего короля. Если мы рассмотрим слабости человеческие, то не удивимся, как такими несправедливыми хвалами могут цари земные прельщаться. Естественно для человека иметь более мысли о себе, нежели чего, может быть, он стоит; сие, кажется, есть знак великого начала нашей души, но начала, поврежденного страстями; а потому, обольщая самолюбие, легко поддадут льстецы причину любящему хвалу владыке мнить, что он есть таков, каковым они его ему самому, внутренне смеясь, для пользы своей представляют. Нерон²⁸ мнил быть искуснее в стихотворстве Омира²⁹, и в том уверения от многих имел. И так, обращаю к вам мой глас, о владыки земные, возведенные на высшую степень могущества человеческого, хранитесь сих пристрастных похвал, яко не токмо заражающих вас в жизни, но и по смерти не перестających бесчестить память вашу!

С другой стороны, не похвально есть, делать не токмо несправедливые своим монархам, но и самые справедливые охуления, которые должны быть изглаголаны с такою умеренностию, чтобы, елико можно, менее чети сидящего на престоле повреждали. История единая, направляемая самою истиною, имеет право с равной смелостию похвалять знатные деяния и добродетели царей земных и охулять их пороки, дабы передать в память потомству, чему должно подражать и от чего удаляться; учинить достойное и славное бессмертие благим и наказание злым царям. Но и та, говорю я, не инако может сие делать, как быв ведома строгою истиною, и где бы никакие страсти примешаться не могли.

Довольно, является, изъявил я мои мысли о хвале и охулении государей; но, приступая к самому предмету моего труда, не дерзну я слабым моим пером описывать великие дела и достойные похвалы Петра Великого. Величайший к сему надлежит иметь разум, и подвиг бы мой сей был более к уменьшению его славы, нежели ко умножению оной. Гласят его хвалы флот, воинство им заведенные, грады построенные, крепости укрепленные, многие области покоренные, просвещенный народ науками и искусствами, учрежденная торговля, по кратковременности введенные законы; гласят чужестранные народы, удивляющиеся, как в столь краткое время, трудами его самого и всеянными семенами им, могла Россия из слабости в силу, из неустройства в устройство и из невежества в просвещение дойти. Звучные победы, которые увенчали лаврами главы его наследников, суть плоды его трудов, и славу ему проповедают, всегда имя его, яко основателя, с именами тех соединяя. Гласят ему хвалу сердца российского народа; ибо хотя миновался тот род, который имел счастье при столь великом государе жить, но и потомки того, верные слуги отечества, с восхищением вспоминают его великие дела, и к мертвому столько любви и усердия являют, яко бы действительно он жив был, и могли бы воздаяния от него за усердие свое ожидать. Свидетели мне суть Невские берега, град, им, во имя его, созданный, какие чувства тогда судии, воины, граждане и все прочие, стекшиеся на позорище открытия его изваянного образа, ощутили. Не славно ли сему герою, когда все потомки бывших при нем подданных, по протечении полувека узря его бездушное изваяние, на славу его сооруженное, яко монарху, яко отцу и яко просветителю, ясные оказания своего усердия и благодарности принесли; и можно сказать, что слава есть Петра Великого, яко некоторая великая река, которая, что более удаляется от своего начала, то пространнее становится. Тако уже память моя (не) застигнет, когда, излишно угождая ли или по каким другим причинам (ибо не можно подумать, чтоб кто преемник Петра Великого его не любил) монарха сего Петром Первым именовали, но само собою, без указа и без повеления, имя Великого превозмогло; и дети наши в юности своей едва ли и знают, кто был Петр Первый, но имя Петра Великого, купно с благодарностию и с удивлением, в сердцах их напечатлено.

Могу ли я после сего дерзнуть какие хулы на сего монарха изречи? Могу ли данное мне им просвещение, яко некоторой изменник похищенное оружие, противу давшего мне во вред ему обратить? Однако прости мне, великая душа, если, не для оху-

ления твоего, но для защищения твоего имени, осмелюсь твои пороки изъяснить, дабы показать, сколь их добродетели превосходили, а самым тем поразить те неблагодарные сердца, которые, забыв твои благоденствия, забыв твои услуги к отечеству, держат многие хулы на тебя изbleвывать. Сколько ни есть мое почтение к тебе, но не затмит оно во мне справедливости, и я потщуся испросить от Клио³⁰ то золотое перо, коим на наикрепчайшем мраморе, под назиданием истины, она дела монархов изображает. Утверждаюсь паче в дерзком моем предприятии; ибо душа твоя, быв одеяна тленною одеждою, часто жестокие истины от подданных своих вкушала, то сколь наипаче, когда сия между бесплотными, изреченными мною истины тебе непротивны будут.

Глаголят противники сего великого монарха: он был строг непомерно, любил казни и пролитие крови, и, не разбирая ни роду, ни чинов, уподлял себя биением окружающих его; он сына своего смерти предал; он в любострастие и в роскошь ввергался; он самовластие до крайности распространял.

Се ваши хулы! Рассмотрим же непристрастным оком все сии пороки, о коих не могу отречись, чтоб много ли иль мало их в нем не было, но рассмотрим, сообразя с обстоятельствами времени, как в рассуждении тогдашнего умоначертания россиян, в рассуждении тогдашних обстоятельств и нравов, так и в рассуждении намерений Петра Великого, и, может статья, мы увидим, что не все сии пороки в нем врожденные и вкорененные были, что ко многим, являющимся ныне нам порочными, поступкам был он побужден обстоятельствами, что некоторые тогда и пороками не считались, что некоторые от тогдашних грубых нравов и воспитания произошли, а, наконец, есть и такие, коими сей великий государь платил дань человечеству. Пороки тем виднее в нем, что они, быв сопряжены с великими добродетелями и делами, яко на высоте поставленные, явнее становятся. Но как в каждом порок есть порок, то и в сем благодетеле России он свойства своего не переменяет, а токмо несколько заглаживается великими его делами.

Россия, не очень давно освободившаяся от раздоров и бунтов, сохраняла еще ту жестокость, которая от междоусобий рождается. Казни смертные, пытки, убийства были обыкновенны в России. Петр Великий при таковом умоначертании воспитан был, и насилиу начал познавать сам себя, се новые бунты в России возгорелись. Самая жизнь юного государя к опасности подвергнута была в первый бунт Стрелецкий³¹, и молодые его очи, начинающие с рассудком вокруг себя обозревать, зрели лиющуюся кровь

своих родственников и верных слуг: Нарышкиных³², Матвеева³³, Языкова³⁴ и других. Остаток времени его младенчества в таковых же страхах и кровавых позорищах был препровожден. То сие и самому мягкосердному человеку не вложит ли некоторую суровость, и среди токов крови принужденной жить человек не приучит ли себя без трепета на них взирать? Увы! Се есть судьба рода человеческого, что привычка многое над ним действие имеет. В Америке без жалости жертвовали людьми, в Вавилоне и в Дафнисе прелюбодеяние добродетелью почиталось, а в Индии и ныне суровство к себе самому и отвратительное изнурение святостью считается. То не сомнительно ли есть, что таковые обстоятельства вложили в сердце молодого государя некоторый дух суровости, который, примешавшись к твердому его желанию уставить правосудие, к горячему побуждению докончить им начатое полезное, иногда мог из меры выходить.

Воззрим на умоначертание и на состояние России. Вельможи и весь народ погружены были в суеверие и все другие народы столь погаными считали, что за грех почитали с кем неединоверцем иметь какое сообщение, не токмо чтобы хотеть что полезное для отечества от них перенять. Бояре были горды, суеверны, необщительны; местничество было хотя уничтожено, но в сердцах их пребывало в своей силе, по коему не привязанные по древнему родству с государями, или по знатности рода преимущественно имели, но происшедшие случаем не токмо сами над знатнейшими себе начальствовали, но предпочтение сие и потомству своему прелагали, купно с наследием, превышать не токмо другие роды, но и с незнанием дела государственные исполнять. Лениость, увальчивость, привязанность к домам крепко вкоренились, а загубелость и привязанность ко всем старым обычаям, яко естественное положение, в них учинилось. Не было порядочных войск, но земские собирались худо вооруженные, еще хуже устроенные, да и те никогда все не собирались. Хотя и были стрельцы, недавно заведенные, но сии, из земских людей набранные и родами ведущиеся, при начале своем имели все пороки турецких янычар, не имев их храбрости. Так как и они были сварливы, беспокойны и неповиновенны начальникам своим, вступая в торги и промыслы, так как и янычары, не имели уже никакого попечения о должности по званию своему; одним словом, неустроенные сии войска не были страшны неприятелям, но опасны были государям.

Не было в России наук, и не токмо побуждения, но паче было отвращение что познать; ибо познание сие надлежало почерпнуть от чужестранных народов, а народ наш и их самих, их язы-

ки и все, от них происходящее, нечистым и богопротивным почитал. Искусства и рукоделие не в лучшем были состоянии; не было ни фабрик, ни ремесел, а что и было, и то находилось в крайнем несовершенстве.

Не было ни внутренней, ни внешней торговли. Внутренней от того, что не было довольного истребления вещей, ибо каждый от своих произведений жил; и не было ремесл, ибо не знали и не могли хотеть многих вещей, которые Петром Великим введены и нужны учинились; а внешней от того, что никаких обстоятельств чужестранных не знали, и не было портов, кроме города Архангельского, которым, яко господа, равно как и торговлею, англичане владели.

Наконец доходы государственные столь были малы, что едва ли восходили до миллиона, да и прибавить их, по малому обращению денег и по недостатку торговли, не на кого было.

При таковых обстоятельствах возможно ли было льстить себя, яко некоторые ныне мудрствуют, чтоб Россия хотя не столь скоро, однако бы не весьма поздно и не претерпев ущерба, если бы Петр Великий и не употребил самовластия, могла достигнуть, не токмо до такого состояния, в каком ныне ее зрим, но и в вящеее доброту. Кто воззрит на вышеписанное беспристрастное начертание, тот ясно увидит, чтобы надлежало многим векам протечь прежде, нежели бы Россия могла отвергнуть свои предубеждения, получить надлежащее в военных делах устройство, просветиться науками и установить торговлю, да и то при таких обстоятельствах, естли бы государи всегда тому способствовали, и соседи бы ее не воспрещали ее возвеличению.

Сказав таким образом общие обстоятельства, для вящего испровержения большей части охулений, возлагаемых на Петра Великого, и дабы показать, что самая истина перо мое направляет, забываю на сей час его ко мне благодеяния, которые чрез просвещение, введенное им, я ощущаю, и вступаю к подробному показанию его пороков. Дабы сохранить некоторым образом времяисчислительный порядок в оных, начну я с бунта Стрелецкого. Когда по утишении оногo стрельцы уже были взяты под стражу, когда темницы наполнились сими преступниками, покушающимися на жизнь законного своего государя, тогда, по сугубом прежних их бунтов прощении, младый, строгий, в суровстве и среди изливания крови воспитанный, самодержавный государь, не употребил азиатского самовластия, чтобы без суда их истребить, но определил верных бояр исследовать их дела; а как все они, кроме малого числа, нашлись виновными, то и смерти без пощады всех и осудил. Они были единые казнены на

площади, и не токмо палачи, но и сам государь, и бояре многие, государем быв принуждены, им головы рубили. Другие были повешены на городских зубцах, а некоторые на зубцах стен Девичьего монастыря и в самых окошках келии, куда была заключена Царевна София³⁵, сестра Петра Великого, начальница всех сих возмущений. Множество охулительных жестокостей и многое похвалы достойное я в сем ужасном начертании обретаю; но дабы не причли мне в мерзкую лесть, что в оправдание скажу, я потщусь, не закрывая все, что ужасное нахожу, изъяснить. Семь тысяч человек вдруг смерти предаются. Сам монарх обагрывает недостойным себя деянием священные руки кровию подданных своих и среди палачей зрится; знатнейшие бояре, к тому же принужденные, дрожащими руками то же исполняют, огорчаются, что столь мерзкую должность принуждены исполнять, а вкушающих смерть мученье усугубляется. Сестра, хотя преступница, но есть сестра, дочь Царя Алексея Михайловича, не токмо строго заключена в Девичьем монастыре, но принуждена, можно сказать, жить среди мертвецов, ежечасно должна мучиться взиранием на них и обонять смрад, от тел их исходящий.

Сие, думаю, изображение не покажется никому лестным. Но воззрим, что в казни сей Стрелецкой было похвальное и простибельное, и что от чего происходило. Сказал я, что мог и единым своим приказанием повелеть без суда умертвить всех стрельцов; но и в сем случае был произведен столь справедливый суд, что хотя мало могущие оправдаться были от смертной казни освобождены, и не токмо освобождены, но некоторые начальники их, участвующие в сем бунте, когда начали изъяслять свою верность государю, награждения получили, яко то были два брата Толстых, которые, наконец, загладили свое во младости преступление, и наконец подпорами отечеству и верными подданными государя своего были. Взирая на состояние стрельцов, на частые их повторяемые бунты, не мог молодой государь никогда ожидать, чтобы их беспокойствами власть его не была поколеблена, а паче имея уже намерение учинить во всех частях государства, а особливо в военном расположении (что их чувствительнейше огорчило), великие перемены, не мог надеяться до сего достигнуть, пока хотя малое число сих беспокойных людей в живых останется, чего ради и решился на столь суровое дело. Признаюсь, что труднее оправдать деяния самого государя, бывшего среди палачей, казнящего своими руками своих подданных и знатных бояр к тому принуждающего. Но какую мы жестокость ни припишем сему монарху, разум у него отнять не можем; а если мы оставим ему сие, то и не можем подумать, что-

бы к такому деянию он без политической какой причины приступил. Сокрыты от нас и тогдашним молчанием, и временем сии царские тайны, но потщимся догадками до сего достигнуть. Голицын³⁶, Толстые, Хованский³⁷ были соучастники сим бунтам: то не имел ли еще некоего подозрения государь и на других бояр, которых сим поступком восхотел учинить собственно их особами участниками сей казни и руки их обмочить в крови сих преступников, дабы остающимся неведомым их соучастникам живым на сих бояр сумнение подать? Не хотел ни по выбору к сему жестокому делу употребить, дабы те явно не открыты были, что есть на них сомнение; сего ради без разбору и другим то же велел исполнять; а дабы самую жестокою сею должностию и никого не огорчить, сам бесчестное для себя на себя отчасти дело приял.

Все сие оправдание, я признаюся, что есть весьма слабо в рассуждении оказанной жестокости; но отнесем при том сие к тем суровым временам, отнесем к худому воспитанию, отнесем к привычке к крови, и узрим, что то, что теперь наижесточайший тиран в Европе постыдится учинить, то тогда в России могло простительно казаться, в России, где и должность палача не была бесчестна, и где и наказанный палачом мог опять в чины и в должности выходить.

Не могу я никаким образом оправдать вышешоказанный поступок, учиненный им с сестрою его, Царевною Софиею. Нельзя ее оправдать, чтобы она не была преступница противу вышней власти, чтобы она не была злодейка брату своему и государю, чтобы не она была причиною множества пролианной крови, как во время бунта, так и после бунтов, в наказание за оные. Но она была его сестра, ему однокровная; заключение ее отнимало у нее все способы ухищрения свои к возмущению России употреблять, но надлежало ль жизнь ее тягостнее смерти сделать? Надлежало ль и видением, и обонянием мертвых тел, при засыпании, при возбуждении и во все время ее пребывания, ее тихим, но мучительным образом терзать? Признаемся всем, что жесток был Петр Великий, но возложим отчасти сию жестокость на время, в которое он родился, на обстоятельства и на образ, коим он воспитан был.

Говоря об оказанной жестокости им с его сестрою, прилично здесь сказать о жестокости его с его сыном. Сына, рожденного от крови своей, строгостями своими принудить к бегству; возвратя, повелеть его судить, истязать его и, ежели то правда, яко последнего подданного, казнить. Се есть жестокость, имеющая мало примеров в истории.

Но дабы судить о вещах с тою справедливостию, каковую требует история, каковую должны мы воздавать монархам, и монархам, благодетельствующим нас, надлежит не по первому воззрению суды свои располагать, но войти во все обстоятельства дела. Царевич Алексей Петрович был человек не великого разума, тайный противник всем изволениям и учреждениям своего родителя и привязанный твердо к старым обычаям. Напротиву того, Петр Великий, ощущая уже пользу своих установлений, видя, что уже успехи увенчивают его труды, не словами, но делом, любитель своего отечества и блаженства своего народа, для коего он столько раз к опасности подвергался, яко в самом своем письме к сему сыну своему изъясняется, зрил в нем наигоршего неприятеля, какового он и отечество могут иметь, зрил в нем разрушителя всех его учреждений, подпертого всеми теми, которые еще любили древние обычаи, а таковых множество было; долго старался он его к мыслям своим обратить, вложить в него чувства, что подвиги его суть полезны, но, не имея успеха в сем, отрешил его от наследия. Но самое сие и показывало ему, что сей способ не есть доволен для утверждения его учреждений и блага отечества; ибо, имея и духовный чин, и множество бояр единомышленниками себе, какое бы отречение могло после смерти его воспретить на престол возвести? Какая бы толь твердая темница могла его так удержать, чтоб врата ее не разрушены были? А возведение его не токмо угрожало ввержением России в прежнее ее непросвещение и слабость, но еще и междоусобною войною!.. Решился, яко до крайности простирающий все свои страсти, каковую он имел и к отечеству своему, непреоборимым образом, осуждением его на смерть, а может быть, и казнию, сию опасность прекратить. Страшный пример, зримый токмо нами в Июнии Бруте³⁸, пример, показующий жестокость обычая, но главности его не суть хулительны.

Сказал уже я выше об обвинении, что Петр Великий, не разбирая ни роду, ни чинов, бивал приближающих к нему. Не может сие в наших обычаях, им же введенных, не странно показаться, и многие из нас, конечно, восхотят скорее смертную казнь претерпеть, нежели жить после палок или плетей, хотя бы сие наказание и священными руками и под очами Божия Помазанника было учинено. Всякой век имеет свои нравы, а век тот, которой застал Петр Великий и с воспитанными в коем людьями жил, был таков, что побои не инако, как болезнью почитали, не считая их себе в бесчестие, хотя бы те и кацкими * руками были

* Кат — по-малороссийски палач.

учинены. Колико находим мы в Разрядных книгах, что иного, высекши плетью, отсылали к тому головою, с кем местничался, или иного за какое неисполнение приводили под виселицу и били чрез кацкие руки по щекам; имен я их не поминаю, дабы не сделать огорчения потомкам их; но все, которые хотя малое знание имеют в российских древностях, в истине сей согласятся. А однако сии тогда наказания не бесчестили, и они по-прежнему в чины и должности употреблялись. То удивительно ли есть, что Петр Великий, последуя горячему своему обычаю, и когда [имел дело] с такового воспитания людьми, сам воспитанию своему уступал? Они сами, претерпевшие такие наказания, свидетели мне суть, ибо мне еще удалось многих из них знать: был ли хотя один, который бы за сии побои пожаловался на Петра Великого, или бы устыдился об оных сказать, или бы имел какое озлобление на него; но всех паче видел я исполненных любовью к нему и благодарностию; а сие и доказует, что сей поступок не в порок особе Петра Великого должно приписать, но в порок умоначертанию тогдашнего времени. Но довольно сего; те, которые столь в укоризну Петру Великому сей поступок проглашают, рассмотрели ли, кого он таким образом наказывал? Или тех, коих из праху возвел на великие степени или молодых людей, часто исполненных пороками, да и сим обоим часто сии наказания заменялись вместо жесточайших наказаний, которые бы они по закону заслуживали. Но вельможи сановитые, яко князь Яков Федорович Долгоруков, часто с грубостию ему противоречащий, Борис Петрович Шереметев, князь Михайло Михайлович³⁹ и князь Дмитрий Михайлович Голицыны⁴⁰, многажды противящиеся его изволениям, никогда такого наказания не претерпели. И тако лучше удивитесь, охулители Петра Великого, мужа нравом горячего, воспитанного в таком веке, в коем побои, учиненные вельможе, за бесчестье не считались, что он с терпеньем снес от князя Долгорукова разодрание подписанного им протокола; что не наказал за неподписание Шереметевым суда царевича, и сказавшего ему в ответ: «Служить своему государю, а не судить его кровь — моя есть должность»; не послушавшего его при взятъе Шлюсембурга Князя Голицына, учинящего ответ: «Не есть в твоей воле, но в воле Божией есть»; исправившего мысли государевы князя Дмитрия Михайловича Голицына, принудившего превосходные доброты сочинением Камор-коллежского Регламента уничтожить тот, что сам Петр Великий начертал. Яко человеку, все сие не могло ему прискорбия не нанести, но, яко герой, уступая свою пользу пользе государства,

видя искренность сердец изящных сих своих слуг, не токмо чем их наказал, но паче милостями осыпал.

Крепость телесная и горячая кровь чинила его любострастна. Сколько сие ни есть естественное побуждение, сколько ни есть монархов, которые оной не стыдятся, но я не могу ее не почесть пороком, от которого желательно бы было, чтобы сей великий муж воздержался, тем наипаче, что ни обычаи, ни примеры его страны в чем его оправдать не могут; и может быть, что он свершил расположение свое к сей страсти путешествиями своими в чужие края и примерами, которые он там видел и слышал. Но со всем тем думаю, что любострастие его не имело такой силы над ним, если бы в первой своей супруге нашел себе сотоварища и достойную особу; но, не имея сего, неудивительно есть, что, возненавидя ее, сам в любострастие ввергнулся. Но воззрим и в сем случае на его поступок: узрим ли мы, чтоб сия страсть, которая столь многими овладела, которая Геркулеса⁴¹ заставила прясть у Омфалы⁴², которая Помпея⁴³ и Антония⁴⁴ погубила, когда-нибудь отвлекла его от трудолюбия, должности или правосудия? Он довольствовал свою плоть, но никогда душа его побеждена не была. Карл XII⁴⁵ столь боялся сей страсти, что даже видеть женский пол страшился; вместо что Петр Великий среди телесных удовольствий владычествовал над нею. На сие, может статься, могут мне отвечать, что он Екатерину, из низкого состояния пленница, учиня сперва своею любимицею, возвел, наконец, быть своей супругою, и се есть знак, что, по крайней мере, в сем случае страсть его победила. Остановитесь и рассмотрите: во-первых, для сей Екатерины, яко любимицы или яко супруги, упустил ли что Петр Великий? Сделал ли для нее какое несправедливое? И думаю, что злодеи его мне скажут: «Нет!». Известно каждому, что страсти в нас действуют сильнее тогда, когда хотения наши неудовольствованы; сей причины Петру Великому не настояло, ибо он беспрепятственно ею владел, и Екатерина, кто ее знал, не толь была честолюбива, чтобы и могла хотеть быть его супругою. Что ж его побудило к такому великому ей награждению? Первое, признание за все, ею понесенные с ним труды и за благие советы, которые она ему в опасном случае при Пруте подала, что и сам он объявлял. Второе, мне кажется, была и политическая причина. Петр Великий от первого брака имел единого сына — царевича Алексея, которого уже усмотрел быть неудобным к приятию Российского престола и к содержанию начатых им дел; от сея же Екатерины имел уже двух дочерей, видел уж себя начинающего ослабевать, не знал, будет ли иметь столь достойную и повинновенную супругу, как сия, а от сея зрил

уже и потомство, то супружеством своим и признанием законными рожденных детей хотел утвердить престол свой; а самым сим и могущее междоусобие случиться после смерти его упредить. Если таковые были намерения Петра Великого, яко сие есть весьма вероятно, то истинно я в поступке сем ничего охулительного не нахожу. Ибо, когда государи, его предки, на многих незнатных женивались и не зная внутренних их расположений, то чего ради Петру Великому не вступить было в брак не токмо с той, которой добродетели ему были известны, [но] к которой имел причину благодарности, и чрез что мог утвердить безопасность престола своего и спокойство России?

Никто Петра Великого в неумеренной склонности к пьянству не обвиняет; но находят в нем достойно охуления, как оно действительно и есть, что он иногда на пиршествах, снисходя в равенство к подданным своим, сам излишнее пивал и других пивал. Первое показывает невоздержность, а другое охулительное самовластие. Но не единожды я предложил правило, что есть разные времена, и суть разные нравы и обычаи, взирая на которые и должно не только такового великого мужа, но и приватного человека, судить. А сии самые нравы и были таковые не токмо в России, но почти и во всех местах, где сей государь, для просвещения своего народа, путешествовал. Везде во время веселий и пиршеств лишнее пивали, чиня сие яко знак удовольствия. То можно ли, яко непростительное дело, охулить сие в сем государе, когда подражал он в том всей Европы тогдашним обычаем, с тою особенностью, что низлагал с себя и пышность царскую, и снисходил к подданным своим, с ними, не яко их монарх, но яко равный, веселился, подавая им способ в сем случае все истины ему говорить и дружески с ним обходиться? И конечно, естли всякое упивание есть зло, но чинимое им нисхождение, можно сказать, неким образом сие зло исправляет. А сверх того сие не столь его занимало, чтобы хотя малую остановку в делах приключить могло, яко свидетельствуют то превыше, кажется, сил человеческих исполненные им дела. К тому же, может статья, что он в сем поступке и сугубый имел предмет, познавал в пьянстве враждующих между собою вельможей, а чрез самое сие брал свои осторожности, чтобы не быть обманутым наветами единых на других; и неизвестно ему было, что много еще было таких, которые о старых обычаях сожалели, и многие были ему недоброхотны, то сим способом и мысли их он тщился познавать и остерегаться от поставляемых ему мрежей. И се, может статья, была причина, что не токмо знатнейших бояр неким родом самовластия упиваться принуждал, но иног-

да и женщин поил. Жестокое дело, но по обстоятельствам, может быть, тогдашним необходимо ему было.

Наконец, обвинение его в неумеренном самовластии вид истины имеет. Он переменял все порядки, принудил одеваться иначе, нежели прежде был обычай, принудил выбрить бороды, наложил налоги, записал дворян в службу, не по срокам, но навсегда; взяв детей, послал учиться разным наукам и мастерствам. Вот сильные знаки самовластия. Но да воззрят охуляющие в сем Петра Великого, те, кои от самовластия сего получили и самое то довольное просвещение, чтобы самовластие сие охулять. Возмог ли [бы] Петр Великий достигнуть до намеряемых им поправлений без оказания самовластия? Отменным образцом сшитое платье хотя ничего не знаменует, но оно отнимало различие между россиянами и чужестранными, которые нужны ему были, а коих российской народ ненавидел. Бритие бород так же чинило россиян сходственных на другие изученные европейские народы и отнимало у них предубеждение, яко бы все, не имеющие бород, поганые были; а к тому же и истребляло род ереси антопоморфитов, которая, по незнанию, вкоренена была. Не мог он ввести порядок, не сделав некоторые знатные перемены во всем правительстве. Не мог он распространить торговли, без приобретения портов, а приобретение портов не мог получить без войны, а потому порядочные войска для защищения государства и для приобретения стран необходимо нужны были; а порядочные войска не могли завестися, если останется земская служба, по малым срокам располагаемая, если бы дворяне не вступали с нижних чинов в службу и тем чрез собственное свое испытание не приобретали в ней нужное искусство, не имели бы порядочного за заслуги или по старшинству произвождения, и не обязаны бы были служить всегда, а не посрочно. Произведение войны и сооружение флота требуют денег; их весьма было мало. Коммерция почти ничего не приносила, и, невзирая на всю умеренность в собственном житье сего государя, он почти всегда в них нужду ощущал: то умножение денежных налогов совершенно нужно было, разумея чрез сие сей великий государь, что хотя обстоятельства государства требовали сей тягости народа, тогда почти несносной для него, но, предвидя, что размножение торговли, заведение мануфактур и ремесл и умножение обращения денег, наконец, сии налоги не тягостны учинять, что в самом деле и исполнилось. Надлежало ввести просвещение в России: то чем лучше можно было его ввести, как посылкою благородных юношей для научения не токмо наукам, военному искусству, но и самым ремеслам, показуя, что не есть ничего

подлого, что к пользе отечества может послужить? И простерший сам монарх к скипетру рожденные в работу руки, не мог ли требовать, чтоб подданные его ему подражали? Все сие он учинил самовластным образом, не спрашивая совету ни от кого; да от кого ему было его и спрашивать? Предложить ли учинить перемены в правлении убежденным людям в его пользе и пользующимся не порядками оною, да и не чувствующим пользы, которые могут произойти? Предложить ли ему сообщение с чужестранными народами тем, которые за грех сие считали? Предложить ли наложение податей тем, которые самый малый налог за несносную тягость почитали, а пользы не предвидели? Предложить ли учреждение порядочных войск тем, которые тем лишались многих своих прав, подвергались во многие труды и лишались подданных своих, которых должны были в рекруты отдавать? Предложить ли посылку юношей в чужие края, когда отцы и матери не токмо сему противны были неумеренною привязанностию к детям своим, но и по самому суеверию, думая, яко бы осквернялись пребыванием не с единоверными, тому противны были? И тако не с кем было Петру Великому советоваться, то имел он право, по великим своим расположениям и по мудрому предвидению, самовластно то повелевать?

Но воззрим на Петра Великого в других делах, где не настояла такая нужда. Учинил ли он в решении дел, которые сам решил, по какому пристрастию, кому несправедливость? Не равно ли последнего подданного с налюбимыми своими вельможами судил? Не вкушал ли он при решении дел грубые, ему учиненные, противоречия и не соглашался ли всегда на истину, не гневаясь за грубость? Когда учинил ощутительно полезные свои установления, не дал ли Сенат указа не принимать самых его повелений, когда противны государственной пользе они будут или противоречительны другим законам? Не советовался ли он всегда с своим Сенатом и не побуждал ли ему самую истину говорить? Понеже никто всех сих справедливостей откинуть не может, а потому и ясно есть, что нужда его заставляла быть деспотом; но в сердце он имел расположение, и, можно сказать, влиянное познание взаимственных обязательств государя с подданными.

Се слабое мое перо кратко начертало пороки и добродетели сего благодетеля России; направляемо быв истинною, по силе своей изобразило его пороки и проступки с показанием, колико он к оным обстоятельствами, умоначертанием, обычаями того времени и воспитанием был побужден. Теперь остается мне в заключении сего оправдать и себя в том, что, может быть, некото-

рые мне скажут, что я есть защитник деспотичества, или самовластия, и что по предложенным мною правилам и каждый монарх может сказать, что он такие же имеет благие виды, и подобные же ему обстоятельства настоят употреблять самовластие, и его употребит.

Не есть мое намерение побуждать владык света к забвению взаимной связи между престолом и гражданами и влагать в них мысли, усугубляющие злосчастия рода человеческого. Но сим не охуюлю я Петра Великого в его самовластии: ибо может ли кто ныне [из] государей в Европе иметь такие обстоятельства, какие имел сей монарх?

И тако, тот государь, который помыслит употреблять такое самовластие, да размыслит прежде, нашел ли он народ свой без просвещения и загрубелой в своих обычаях и, по несправедливому воображению своему о вере, противляющийся всякому просвещению? Был ли подвергнут от юности своей к разным беспокойствам, ухищрениям и бунтам, которые все силою разума своего превозмог? Испытал ли все состояния сам собою и обозрел ли без пышности, но с прилежанием почти все части своего государства? Подверг ли себя ко многим трудам и опасностям для любви к отечеству своему? Снизошел ли в состояние своих подданных, законами являясь им строгим государем, обхождением же другом? Вкушал ли без гнева грубые ему учиненные противоречия и всегда ли готов был истину слушать?

Если кто все сие исполнил, то, имея такие расположения, может без охуления употреблять самовластие. Но кто все сие исполнит?

